

Экономика и финансы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: выводы для современной экономической мысли

О.В. Буторина

Институт Европы РАН

Статья имеет целью выявить содержащиеся в тексте романа Л.Н. Толстого «Война и мир» экономическое знание и установки, которые благодаря колоссальной популярности произведения могут имплицитно влиять на сознание людей и принимаемые ими хозяйственные решения. Однако, не будучи артикулированными, они не могут стать частью современной экономической мысли в идущем процессе её масштабной трансформации. Основной исследовательский вопрос состоит в том, свойственна ли роману общая экономическая философия и, в случае положительного ответа, в чём она заключается, какие нормы и принципы экономического поведения незримо продвигаются великим писателем.

Исследование проводилось путём поэтапного обследования текста романа на предмет наличия эпизодов, имеющих экономическое содержание. Наиболее значимые из них группировались в логические линии и предметные группы. Описанные в романе экономические события и ситуации получали интерпретацию на базе современного экономического знания, а также снабжались оценками и аргументами, которые содержатся в ранее изданных работах других авторов. Статья состоит из четырёх разделов, соответствующих четырём основным частям романа «Война и мир», включая эпилог.

В результате исследования установлено, что нашедшие отражение в романе «Война и мир» экономические события представляют собой целостный и гармоничный смысловой массив. Сюжетные линии экономического свойства не обнаруживают обрывов и внутренних противоречий. Наиболее важным из них присуща собственная динамика, отражающая естественный ход хозяйственных процессов или развитие экономического самосознания героев. Показано, что выраженное в романе экономическое кредо Л.Н. Толстого отвечает духу классической политической экономии с упором на свободную волю индивида и его личную ответственность. Книга приветствует осознанное потребление и устойчивое хозяйствование на принципах финансовой дисциплины и планирования. Описанные в романе ситуации демонстрируют, как социальная среда может воздействовать на экономические отношения, формируемые также политикой, культурой и моралью.

УДК: 821.161.1.09:33

Поступила в редакцию: 18.02.2025

Принята к публикации: 15.04.2025

Сделанные выводы позволили выявить содержащийся в романе экономический посыл. Будучи вычлененным из многотомного эпоса, систематизированным и изложенным в доступной форме, он отныне может быть поставлен на службу современной экономической мысли.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Война и мир», экономический анализ, классическая политическая экономия, устойчивое потребление, экономическое поведение, финансовая этика, литература и экономика, экономические ценности, рациональность и мораль, социальные факторы в экономике, нарративная экономика

Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» входит в сокровищницу мировой культуры. Через 150 лет после первой публикации его продолжают читать, издавать, обсуждать, переводить и экранизировать. В поисках новых смыслов сегодня к нему обращаются политологи, юристы, философы и экономисты во всём мире.

Статья имеет целью исследовать текст романа на предмет наличия экономического знания и установок, которые благодаря колоссальной популярности произведения де-факто влияют на сознание людей. Однако, не получив специфической артикуляции, они не могут использоваться современной экономической наукой в поисках её назревшего обновления на базе более глубокого понимания природы человека и законов развития общества.

Основной исследовательский вопрос данной статьи: присуща ли роману-эпопее единая экономическая философия, и, в случае положительного ответа, в чём она состоит. А именно: какие идеи и модели поведения представляются достойными распространения.

Постановка вопроса обусловлена тем, что после череды социально-экономических потрясений XXI в. экономическая наука находится в поиске новой парадигмы, которая вывела бы её за рамки мейнстрима и повернула лицом к человеку. Усиление гуманистического начала в экономической теории проявляется в её общей гетерогенизации, в отходе от рыночного фундаментализма и укреплении позиций поведенческой экономики (Автономов 2018; Тамбовцев 2023). Сегодня признаётся, что экономическую реальность формируют не только законы рынка, но также образ мысли людей, их моральные установки, нормы, ценности и стремление к самоактуализации (Laville 2023; Horodecka 2022; Макклоски 2015; Аузан 2017; Бёгельсдейк и Маселанд 2016; Sacchetti and Tortia 2024). Экономисты активно исследуют влияние культуры и обусловленных ею паттернов поведения на процессы принятия решений (Аузан 2017; Бёгельсдейк и Маселанд 2016; Ивашковский 2017).

Автору не удалось обнаружить научные работы об экономическом измерении романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Привлечённая литература группируется в три тематических блока. Первый включает работы о жизни и творчестве Толстого (Алданов 1923; Басинский 2022; Бунин [1937] 1996; Жданов 2010;

Набоков 2001; Шестов 1923; Эйхенбаум [1919–1959] 2009), в том числе посвящённые роману «Война и мир» (Бочаров 1978; Долинина [1973] 2023; Кандиев 1967; Курицын 2024; Фойер 2002; Шкловский 1929).

Второй блок – работы о социально-экономических вопросах в творчестве Толстого. Они выражают отношение писателя к проблемам собственности и бедности (Mangold 2017; Nicolosi 2024), в том числе сквозь призму его интереса к идеям американского политэконома Генри Джорджа (Асмус 1979; Сизова 2024; Bradley 1980; Wenzer 1997); раскрывают представления крестьян о природе денег (Vdovin 2017); обсуждают нравственные аспекты обогащения и владения землёй (Romero 2023: 1–7)¹.

Третий блок составлен из работ, которые в наибольшей степени приближаются к предмету исследования. Он включает размышления экономистов о Толстом (Люксембург 1908, 1918; Плеханов 1923; Струве 1908), а также отдельные статьи о социальных и моральных установках Толстого, нашедших отражение в романе «Война и мир» (Kyriacou 2019; Brennan and Waterman 2020).

Гипотеза исследования состоит в том, что роман Л.Н. Толстого «Война и мир» содержит знание, полезное для формирования нового экономического мышления. Она основана на том, что Толстого воспринимают не только как писателя, но и как глубокого мыслителя (Мамардашвили 2000: 293; Набоков 2001: 224; Шестов 1923: 42–43). Исключительная правдивость Толстого и его умение понять человека объясняют тот факт, что сегодня на сайтах ведущих международных экономических организаций (МВФ, Всемирный банк, Банк международных расчётов и др.) имеются и появляются новые ссылки на его произведения.

Для достижения цели исследования текст романа последовательно изучался на предмет наличия ситуаций, имеющих экономическое содержание. Экономические сюжеты каждого тома группировались в логические блоки и линии. Значимые эпизоды получали интерпретацию на базе современного экономического знания, а также снабжались оценками и аргументами, почерпнутыми из работ других авторов.

Статья состоит из четырёх разделов, которые соответствуют частям романа. Первый раздел посвящён вариантам транзита собственности и возникающим по этому поводу отношениям. Второй раздел отражает процесс обеднения дворянской семьи, обсуждает подходы к решению крестьянского вопроса, а также показывает взаимодействие денежных отношений с их социальным контекстом. Третий раздел выявляет изложенные в романе взгляды Толстого на взаимодействие мира материальных и нематериальных ценностей. В четвёртом разделе обсуждается переход к ответственной и устойчивой системе хозяйствования на основе глубокого понимания свободы личности.

¹ Boccaletti G. 2022. The New Land Economy. *Project Syndicat*. February 12. URL: <https://www.project-syndicate.org/on-point/climate-change-requires-new-land-economy-by-giulio-boccaletti-2022-02> (accessed 15.04.2025)

В заключении сформулированы основные выводы исследования. Выявлено существовавшее в период написания романа экономическое кредо Толстого. Анализ эволюции экономического поведения героев романа позволил установить, какие нормы и правила продвигаются в произведении, а какие осуждаются. Из текста выделены примеры достижения рыночными отношениями своих объективных границ, а также их трансформации под воздействием социальных и моральных норм.

Том первый. Метаморфозы собственности

События первого тома разворачиваются во второй половине 1805 г., когда Россия в коалиции с Англией и Австрией вступает в войну против Франции. Сцены мирной жизни происходят в России, а военной – в Австрии.

Смысловым рычагом всего романа и важнейшим экономическим событием первого тома является смерть богатого графа Безухова и вступление в наследство его незаконного сына Пьера. Финансовую подоплёку имеет сцена молодёжного кутежа в Петербурге. Неожиданная глубина открывается в истории с оплатой гвардейского мундира Бориса Друбецкого. Кража среди офицеров Павлоградского полка откликается трагической растратой через полтора года. Характерные для высшего света брачные сделки представлены женитьбой Пьера на Элен Курагиной и неудачным сватовством её брата к Марье Болконской.

В июле 1805 г. Москву облетело известие о тяжёлой болезни богача и знаменитого Екатерининского вельможи графа Кирилла Владимировича Безухова. Его громадное состояние включало «сорок тысяч душ и миллионы». Наиболее вероятными наследниками считались князь Василий Курагин (прямой наследник по жене) и любимый, но незаконный сын Пьер (1:1:10²).

Поговаривали, будто прошлой зимой граф Безухов написал завещание на имя Пьера и письмо государю с просьбой считать его законным сыном. Толстой описывает обычную для человеческого рода возню вокруг смертного одра. Князь Василий пытается завладеть бумагами умирающего, чтобы уничтожить письмо к государю. В погоню включаются другие претенденты на богатство: одна из трёх княжон Мамонтовых и дальняя родственница графа княгиня Анна Михайловна Друбецкая из знатного, но обедневшего рода (1:1:21).

В Петербурге княгиня Друбецкая хлопочет за своего единственного сына Бориса, недавно произведённого в прапорщики. Стараниями матери его переводят в гвардию. Теперь Борису предстоит обмундироваться, чтобы догнать гвардейские части, которые уже выдвинулись из Петербурга в сторону российско-австрийской границы. Денег на обмундирование (а это 500 рублей) у Анны

² Здесь и далее ссылки на текст романа даются по схеме: номер тома, номер части, номер главы. Для удобства читателей статьи автор считает возможным отступить от оригинальной нумерации томов и глав римскими цифрами и использовать вместо них арабские цифры.

Михайловны нет. Прослышав про шестой удар графа Безухова, она едет из Петербурга в Москву в надежде на часть наследства и вместе с сыном навещает-ся в дом умирающего (1:1:10).

Взгляды матери и сына на возможность получения наследства, а в более широком смысле на то, должны ли богатые делиться с бедными, заметно расходятся. Когда в доме Безухова Борис встречается с Пьером, оба молодых человека чувствуют неловкость. Борис первым решает объясниться.

– А вам должно казаться, – говорил Борис, слегка краснея, но не изменяя голоса и позы, – вам должно казаться, что все заняты только тем, чтобы получить что-нибудь от богача.

«Так и есть», подумал Пьер.

– А я именно хочу сказать вам, чтоб избежать недоразумений, что вы очень ошибётесь, ежели причтёте меня и мою мать к числу этих людей. Мы очень бедны, но я, по крайней мере, за себя говорю: именно потому, что отец ваш богат, я не считаю себя его родственником, и ни я, ни мать никогда ничего не будем просить и не примем от него.

Хотя на протяжении романа Толстой выводит Бориса холодным карьеристом, в этой сцене юноша бесстрашно отстаивает своё достоинство и достоинство матери. Его прямога заслуживает уважения. «Вы удивительный человек. То, что вы сейчас сказали, очень хорошо», – отзывается Пьер и признаёт: «Я бы этого не сделал, у меня не достало бы духу» (1:1:16).

Соотношение социальных и финансовых статусов участников неясно и подвижно. Положение Бориса определено: обладая княжеским титулом он лишён средств. Статус Пьера находится в одной из двух полярных точек. Не имея титулов, он может остаться одним из 20 незаконных отпрысков знаменитого отца или враз взлететь на вершину социальной пирамиды. Неопределённость, текучесть, а также резкая смена социальных и финансовых ролей – важная характеристика того материала, который Толстой представляет читателю в романе «Война и мир».

На обратном пути из дома Безухова мать и сын Друбецкие беседуют в карете. Мать вздыхает, что их судьба теперь зависит от завещания. Сын спрашивает, на каком основании она надеется на наследство. «Ах, мой друг! Он так богат, а мы так бедны!» – простодушно отвечает мать. Борис вежливо называет эту причину недостаточной (1:1:16). Отмеченная деталь не случайна, она даёт ключ к пониманию экономического кредо Толстого. С неё начинается проходящий через весь роман мотив личной ответственности человека за себя и за окружающий мир. Данную составляющую в идеологии писателя особо выделял П.Б. Струве, называвший Толстого «самым мощным и влиятельным» идейным проповедником свободы личности в России (Струве 1908: 224).

Тем временем в московском доме графов Ростовых, где остановилась Анна Михайловна и где годами живёт Борис, происходит разговор между супругами. Графиня просит мужа Илью Андреевича дать ей 500 рублей – для себя. Тот велит управляющему Митеньке принести 700 рублей (то есть на 40% больше!) и обязательно хорошими, чистыми купюрами. К возвращению Анны Михайловны её ждёт стопка ассигнаций «новенькими бумажками, под платком на столике...». Краснея и запинаясь, графиня просит подругу принять деньги на шитьё мундира для Бориса.

Анна Михайловна уже обнимала её и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали они о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что они подруги молодости, заняты таким низким предметом – деньгами; и о том, что молодость их прошла... Но слёзы обеих были приятны» (1:1:14).

В сцене ощущается ещё большая скованность, чем в диалоге Бориса с Пьером. Анна Михайловна, представительница «одной из лучших фамилий России», принимает подаяние (то есть дар из жалости) от менее родовой, но богатой подруги. Обе дамы уклоняются от констатации реального положения дел. Возникшее социальное напряжение снимается в два приёма. Сначала деньги объявляются грязным, низким предметом и прячутся под платок, а потом факт сделки затушёвывается мотивом старой дружбы.

Вид операции и дата окончательного расчёта не оговариваются. Читателю не сообщают, являются ли 700 рублей «новенькими бумажками» даром или кредитом. Наиболее щадящим для социального чувства участниц был бы подарок, замаскированный под ссуду. Тогда одной не пришлось бы оправдываться за щедрость, а другой – расписываться в финансовой несостоятельности.

Единственную подсказку Толстой даёт во втором томе романа. Весной 1810 г. Николай Ростов в присутствии матери рвёт вексель Анны Михайловны на две тысячи рублей со словами «я не люблю Анну Михайловну и не люблю Бориса, но они были дружны с нами и бедны» (2:4:2). Именно в этот момент, то есть пять лет спустя (!) выданные на обмундирование Бориса 700 рублей, наконец, обретают форму дара, каковым они были изначально. Причём ни Анна Михайловна, ни Борис об этом не узнают. Для них сделка остаётся незавершённой.

Вексель выписан на 2000, а не на 700 рублей, то есть на сумму втрое большую. Резонно предположить, что, выдавая его, Анна Михайловна включила в счёт своего долга те средства, которые Ростовы тратили на годами жившего в их доме Бориса. Конечно, Ростовы этих сумм не считали, как не считали средств на содержание Сони. Поскольку и Борис, и Соня находились на правах членов семьи. Если так, то Анна Михайловна показывала векселем на 2000 рублей, что её

сын – не нахлебник, и не чета бесприданнице Соне. Создавалась иллюзия, будто Борис столовался у Ростовых за деньги. И неважно, что «кредиторы» не требуют возврата этих денег.

Здесь открывается множество смыслов. Благодарение, которое делали Ростовы для Бориса, безусловно, по просьбе его матери, вдруг теряет всякую человеческую высоту. Ростовым уже нечем гордиться: они всего лишь продают свои услуги: им платят за стол и кров, как платят хозяину постоянного двора. Из преданных друзей они превращаются в мелких торговцев. Зато Анна Михайловна одним росчерком пера совершает транзит из униженной просительницы в щедрого дарителя. Подобных качелей и перевёртышей в романе очень много. Фактически он весь построен на поступательно-возвратном движении, что убедительно показано в новой книге В.Н. Курицына (Курицын 2024: 115–140).

Сумма векселя ставит Ростовых перед неразрешимой дилеммой. Потребовать 2000 за мундир стоимостью 700 рублей означало бы поступить низко. Именно поэтому Николай рвёт вексель, вызывая слёзы радости своей матери. Ростовы вынуждены сделать подарок подарком, не получив ни благодарности, ни встречного дара или услуги, на что можно было бы рассчитывать в отношениях равных партнёров. Двухтысячный вексель рушит дружбу. Анна Михайловна не в состоянии принять дар, в котором она видит унижение. Поэтому, в частности, дороги Ростовых и Друбецких вскоре расходятся.

Есть ещё одна деталь: подарок Ростовых остаётся скрытым. Из него не делают тайны, но и не афишируют. Платок, под которым находилась стопка ассигнаций, символизирует не только отстранённость людей высшего света от мира «грязных» денег (что не подтверждается практикой), но и потаённый характер сделки. Анна Михайловна вовсе не гордится полученным подарком и, по всей вероятности, не рассказывает о нём сыну. На протяжении романа Борис Друбецкой не благодарит Илью Андреевича за сшитый на его деньги мундир³.

Новая институциональная экономика настаивает на максимальной спецификации прав собственности, которая выступает инструментом эффективного размещения ресурсов при ненулевых транзакционных издержках. Общеизвестным является чёткое определение прав и обязанностей сторон в заключаемых контрактах. Рассмотренная ситуация из романа «Война и мир» показывает, что на пути к искомой цели может лежать не только недостаточность общественных механизмов, о чём так убедительно писал Эрнандо де Сото (де Сото 2004), но и выраженное стремление людей к обратному – то есть, к отсутствию ясности, к протяжённости и изменчивости форм экономических взаимодействий. На данном примере видно, что неопределённость имеет психологическое

³ При разборе данной ситуации трудно не вспомнить работу Ссорина-Чайкова, где он демонстрирует перформативность (то есть изменчивость экономического смысла) межличностных обменов. Нерыночные и рыночные обмены перетекают друг в друга: одна та же вещь в глазах одного участника может быть подарена, а в глазах другого – продана, а потом так же плавно превратиться в дань (Ссорин-Чайков 2012).

преимущество, она позволяет сторонам (или одной из них) сохранять свободу действий или иллюзию такой свободы; а иллюзия зачастую равнозначна реальности.

Логично предположить, что возможность не полностью определить условия сделки появляется, когда участники связаны личными отношениями. По мере роста личного компонента растёт и поле для неопределённости. Из чего не следует, что личные отношения обязательно ведут к неопределённости, они становятся её предпосылкой, но не причиной.

Многим читателям запоминаются сцены молодёжного кутежа в Петербурге: сначала попойка с безумным трюком, а потом привязанный к медведю и пущенный с ним в реку квартальный. На исходе ночной пирушки 25-летний офицер Долохов, которого Толстой называет небогатым человеком без всяких связей, залпом выпивает бутылку рома, сидя с ногами наружу на покатом оконном откосе. Тело в белой рубашке в какой-то миг теряет равновесие и едва не срывается вниз на каменную мостовую.

Игра со смертью имеет цену – 50 империалов, или 500 рублей золотом. На такую сумму Долохов заключил пари с англичанином. Попытка торговаться и поднять ставку до 100 империалов не удалась, англичанин отказался. Опорожнив бутылку, Долохов бросает её англичанину. Тот ловит, достаёт кошелёк и отсчитывает деньги (1:1:9). Как писал много позже Дж.М. Кейнс, рациональная половина человеческого «я» нередко оказывается во власти «капризов, настроений и желаний попытаться счастья» (Кейнс 2022: 169).

Несколькими штрихами Толстой рисует шаткое положение Долохова в кругу «золотой молодёжи». В Петербурге Долохов жил в богатом доме Анатоля Курагина, но сумел поставить себя так, что все уважали его больше, чем Анатоля. То есть, Долохов делал специальные усилия, чтобы другие признавали его значимость. Будучи дворянином, он не только не богат и не имеет связей, он ещё и образован хуже других. В момент заключения пари Долохов обращается к англичанину по-французски. Как пишет Толстой, однако, на этом языке он говорит «не слишком хорошо». Для высшего света того времени это было отрицательным знаком. Английского Долохов не знал вовсе. Переводчиком выступил Анатоль, он повторял англичанину условия пари по-английски (1:1:9). Отмеченные моменты будут полезны для дальнейшего анализа.

Осенью 1805 г. гусарский Павлоградский полк, где юнкером служил Николай Ростов, находился в Верхней Австрии. Ростов жил на одной квартире с ротмистром Василием Денисовым, командиром эскадрона. Однажды Денисов попросил Ростова пересчитать монеты в своём кошельке. Как раз тогда к ним ненадолго заглянул офицер того же эскадрона поручик Телянин, разжалованный из гвардии. Вскоре кошелёк пропал. Ростов бросился по следу Телянина и настиг его в трактире при попытке расплатиться золотыми из кошелька Денисова. Поручик сначала изобразил возмущение, а потом стал умолять о пощаде ради стариков-родителей (1:2:4).

О факте кражи Ростов сообщил полковому командиру в присутствии других офицеров. Тот не поверил, вспыхнул конфликт. Поскольку случай получил огласку, полковому командиру оставалось отдать Телянина под суд. Это бросало тень на честь полка, стоявшего в двух милях от штаб-квартиры Кутузова в Браунау. Собравшиеся вечером на квартире Денисова офицеры уговаривали Николая извиниться. «Вы, батюшка, – втолковывал штаб-ротмистр, – в полку без году неделя; нынче здесь, завтра перешли куда в адъютантики; вам наплевать, что говорить будут: “между павлоградскими офицерами воры!” А нам не всё равно». Николай не считал себя виноватым и отказывался «точно маленький просить прощения». На следующий день полку было приказано выступить в поход. Телянин сказался больным, его решили исключить из списка полка, но до суда дело не довели (1:2:5).

Малая поблажка вору отозвалась большой бедой. Весной 1807 г. русская армия сосредоточилась в Пруссии, в скудной сельской местности, многократно разорённой войной. «Павлоградский полк в делах потерял только двух раненых; но от голоду и болезней потерял почти половину людей». Весенняя распутица осложнила подвоз продовольствия. В апреле солдаты эскадрона Денисова «уже вторую неделю растягивали последние сухари». Тощие кавалерийские лошади кормились соломенными крышами с домов (2:2:15). Выражаясь современным языком, кто-то делал личный бизнес на государственных поставках.

Ежедневно видя бледных, опухших солдат, майор Денисов пошёл на отчаянный шаг. Однажды вместе с товарищами он отбил у пехоты проходивший мимо транспорт с провиантом. Впервые за много дней солдаты эскадрона наелись досыта. Полковой командир был на стороне Денисова, но ввиду строгих законов о мародёрстве велел ему поехать в штаб и уладить дело в провиантском ведомстве. Там Денисов встретил Телянина, который теперь был комиссионером штаба и отвечал за снабжение войск. В приступе гнева Денисов обрушился на Телянина с проклятиями и поколотил его (2:2:16).

Старые враги поменялись местами. Из форменной бумаги, которую на следующий день привёз в полк адъютант штаба, следовало, что «после отбития транспорта, майор Денисов, без всякого вызова, в пьяном виде явился к оберпровиантмейстеру, назвал его вором, угрожал побоями» и потом избил чиновников канцелярии. Дело шло к суду и разжалованию. Поэтому после лёгкого ранения Денисов отбыл из полка в госпиталь (2:2:17). Ещё один толстовский перевёртыш.

Когда Николай Ростов навестил друга в госпитале, ему открылись страшные картины человеческих страданий. Рана Денисова никак не заживала, сам он был раздавлен морально. Теперь его выставляли вором, тогда как настоящие расхитители, которые наживались на халатном снабжении войск и были повинны в гибели солдат, оставались вне подозрений. Товарищи по палате убеждали Денисова просить помилования у императора, что означало признать свою вину и правоту казнокрадов. Подавив голос чести, Денисов подписал прошение. Государь его отклонил (2:2:20).

Как именно решилась судьба Денисова, Толстой не сообщает. Но, к радости читателей, выводит его подполковником в третьем томе (3:2:15) и отставным генералом в эпилоге (Эпилог:1:11). Мораль этой двойной истории проста. Вор остаётся вором. Поймать его – полдела, его надо остановить, чтобы не потворствовать пороку. Зло должно быть наказано, иначе оно наносит обществу всё возрастающий ущерб.

Осенью 1805 г. после смерти отца Пьер стал графом Безуховым, «владельцем самого огромного состояния в России» (1:1:25). Матери дочерей-невест, которые ещё недавно по этой причине не желали знать Пьера (1:1:10), разом полюбили его. Быстрее других среагировал князь Василий, из-под носа которого только что уплыло, как он считал, наследство старого графа Безухова. Он окружил Пьера заботой и поселил в своём доме, чтобы выдать за него замуж свою дочь Элен. Лесть, обман и выдающаяся красота Элен сделали своё дело. В начале 1806 г. Пьер «был обвенчан и поселился, как говорили, счастливым обладателем красавицы-жены и миллионов, в большом петербургском заново отделанном доме графов Безуховых» (1:3:2).

Параллельно чиновный князь Василий решал другой финансовый ребус. В ноябре 1805 г. он отправился на ревизию в губернии, чтобы заодно побывать «в своих расстроенных имениях», а главное – «заехать к князю Николаю Андреевичу Болконскому с тем, чтоб женить сына на дочери этого богатого старика» (1:3:2). Анатолий, которого отец прилюдно называл буйным дураком, ежегодно стоил родителю 40 тысяч рублей (1:1:1). Манёвр не удался, княжна Марья Болконская ответила отказом.

Итак, первый том содержит пять видов транзита собственности: наследство старого графа Безухова переходит к его сыну; Ростовы дают деньги на мундир Бориса Друбецкого; Долохов выигрывает пари с англичанином; Телянин похищает кошелёк Денисова; Элен вступает в брак с Пьером ради его капиталов. Все эти случаи, включая добровольную передачу средств, сопровождаются или окружены социальным напряжением, хотя все участники отношений принадлежат к высшему сословию – дворянству.

Том второй. Управление и финансы

Действие второго тома происходит на территории Российской империи в мирные для неё 1806–1810 гг. Среди экономических сюжетов выделяются две крупные смысловые линии и несколько брачных предложений с разным исходом. Красной нитью по всему тексту проходит тема обеднения семьи Ростовых. Вторая тема связана с попытками главных героев, Пьера и Андрея, провести реформы в своих имениях с целью расширить права и улучшить положение крестьян.

В начале 1806 г. Николай Ростов приехал в отпуск в родительский дом в Москве. Несколькими штрихами Толстой рисует картину ухудшающегося финансового положения семьи.

«...денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что были перезаложены все имения, и потому Николушка, заведя своего собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого ещё в Москве не было, и сапоги, самые модные, с самыми острыми носками и маленькими серебряными шпорами, проводил время очень весело» (2:1:2).

Приятными делами был занят и старший Ростов. 3 марта Английский клуб давал торжественный приём в честь героя Австрийского похода князя Багратиона. Илья Андреевич как старшина клуба распоряжался подготовкой обеда на 300 персон. Повару сыпались указания о спарже и огурцах, о землянике и ананасах, о телёнке, стерляди, гребешках и других яствах. На праздник звали песенников и цыган, из оранжереи везли 200 укутанных в войлок цветочных горшков. «Повар и эконом клуба с веселыми лицами слушали приказания графа, потому что они знали, что ни при ком, как при нём, нельзя было лучше поживиться на обеде, который стоил несколько тысяч». Илья Андреевич, как никто другой, «умел и хотел приложить свои деньги» в организацию общего пиршества (2:1:2).

Одной из наиболее драматичных в романе является история карточного долга Николая Ростова. Его недавний приятель Долохов делает предложение Соне, которая давно живёт в доме Ростовых и с детских лет влюблена в Николая. Хотя Долохов – «блестящая партия для бесприданной сироты Сони», она отказывает ему из-за любви к Николаю (2:1:11). Долохов зовёт соперника на пирושку в английскую гостиницу и усаживает за карточный стол. В картах Долохов всегда выигрывает. Николай начинает с проигрыша. С надеждой отыграться он продолжает игру, до тех пор, пока её не останавливает сам Долохов. К этому времени проигрыш Николая достигает 43 тыс. рублей. Сумма колоссальная, особенно против тех двух тысяч, которые ему недавно дал отец, говоря, что «эти деньги были последние до мая» и прося быть поэкономнее (2:1:13)

Что двигало Долоховым? Только ли зависть к более счастливому в сердечных делах сопернику, другу и секунданту на дуэли с Пьером? В первом томе Толстой представил Долохова как небогатого дворянина без связей. Во втором томе читатель неожиданно узнаёт, что этот буян и кутила живёт в Москве со старушкой-матерью и горбатой сестрой, которым он «самый нежный сын и брат». После ранения на дуэли он думал не о себе, а о судьбе матери в случае своей смерти (2:1:5). В.Н. Курицын видит в этой детали «слащавую натяжку» Толстого, его попытку очеловечить образ злодея (Курицын 2024: 139). Схожего мнения придерживается Н.Г. Долинина (Долинина [1973] 2023: 103).

Мы будем исходить из противоположного. Приведённая деталь органична, и именно она объясняет причину произошедшего. Мечь Долохова имела под собой социальную почву. Он наказывал не только конкретного Ростова, но и в целом людей того круга (богатых, со связями и отлично образованных), к которому он страстно хотел принадлежать, но не принадлежал фактически. А главное – не принадлежал в собственных глазах. Победа над Ростовым давала ему деньги и власть. Власть над тем, что было ему неподвластно – социальной иерархией.

«О! это ужасно чувствовать себя так во власти этого человека», — думал Ростов. Ростов понимал, какой удар он нанесёт отцу, матери объявлением этого проигрыша; он понимал, какое бы было счастье избавиться от всего этого, и понимал, что Долохов знает, что может избавить его от этого стыда и горя, и теперь хочет ещё играть с ним, как кошка с мышью (2:1:14).

Внешний круг для Фёдора Долохова – арена жёсткой социальной конкуренции, где буйством и эпатажем он всякий раз борется за самоуважение. Нежным и принимающим, как сказали бы сегодня, выступает для него круг семьи – мать и сестра. И не важно, существует ли столь значительный социальный разрыв в реальности или только в воображении героя. Он переживается как реальный и потому имеет фактические материальные последствия. 43 тыс. рублей – сумма, в которую Долохов оценил своё унижение. Эти деньги для него – не обман и грабёж, а справедливая компенсация за нанесённую обиду. Иллюзия становится реальностью. Перформативность действует.

Соня, берусь утверждать, являлась для Долохова не только возлюбленной, но и трофеем. Добычей, вырванной у тех, кто каждое утро выходит из собственного дома с анфиладами комнат и парадными залами, с толпой слуг и каретой у подъезда. В жизни Долохова ничего этого не было. Причём как бесприданница Соня представляла собой легчайший из трофеев, но и он не дался в руки.

Здесь уместно небольшое отступление. Соню считают воплощением преданности и самопожертвования. Перед лицом финансового краха семьи и под давлением графини она развязывает руки жениху (4:1:7), за что несправедливо получает от Толстого ярлык пустоцвета (Эпилог:1:8). Таков образ Сони в категориях личного счастья и самореализации, как сказали бы сегодня.

Взгляд сквозь экономическую линзу даёт иную картину. Вслед за Толстым В.К. Кантор называет её потенциальный брак с Долоховым выгодным (Кантор 2001: 401). Однако выгодным он был только для старших Ростовых, и поэтому графиня уговаривала Соню согласиться (2:1:11). С точки зрения своих экономических интересов, Соня поступает абсолютно рационально и выигрывает. Выйдя за Долохова, она опустилась бы на ступеньку (или больше) вниз по социальной и имущественной лестнице. Из красивого дома на Поварской и обширной

усадыбы в Отрадном ей предстояло немедленно переехать в то скромное жильё, где Долохов обитал с матерью и незамужней сестрой. Ведь, отметим, на пирушку по случаю отбытия в полк он приглашает друзей в гостиницу, а не домой.

Своим отказом Соня выбрала не только любовь к Николаю, но также его достаток и положение, которые она имела основания сохранить при любом исходе их отношений. Толстой не зря отмечает её привязанность к дому, а не к людям (Эпилог:1:8). Интуитивно Соня следовала консервативной стратегии. Её валютой были лояльность и преданность семье. В обмен она получила пожизненное содержание в превосходных для того времени условиях. Оставшись в доме Николая, Соня только один год жила в режиме жёсткой экономии на маленькой квартире. После его женитьбы на Марье вместе со всеми она переехала в поместье Лысые Горы – с просторным домом, слугами, парком и оранжереями, чего в браке с Долоховым она бы никогда не имела. Своим обострённым чувством неравенства Долохов не мог не заметить экономической составляющую отказа Сони, что ещё больше разозлило его. В пользу такой трактовки говорит то, что реваншем стал денежный ущерб.

Своих средств для уплаты долга у Николая не было. Когда он назвал отцу сумму долга, граф сначала не поверил, а потом апоплексически покраснел «шеей и затылком, как краснеют старые люди». Смелым, развязным тоном Николай оправдывал себя.

Долг следовало выплатить завтра. Деньги собирали две недели, после чего их отдали под расписку Долохову. В конце ноября 1806 г. Николай уехал догонять свой находившийся в Польше полк. Мучаясь чувством вины, он дал себе слово служить, как можно лучше, и в пять лет вернуть долг родителям. Для этого из тех 10 тысяч, что родители присылали ему на год, он решил брать только две (2:2:15). Так зародились навыки финансового планирования, которые спустя десять лет читатель находит у Николая вполне развитыми (Эпилог:1:7,15).

Весну 1809 г. граф Илья Андреевич проводил в рязанском имении Отрадное, где он принимал у себя «почти всю губернию, с охотами, театрами, обедами и музыкантами» (2:3:2). Хотя Николай твёрдо следовал своему обещанию, долги Ростовых продолжали расти. С целью поправить положение Илья Андреевич решил поступить на службу. В конце 1809 г. он приехал в Петербург – искать места и заодно «в последний раз потешить девчат» (2:3:11). Именно тогда, в канун 1810 г., состоялся первый в жизни Наташи Ростовской бал, где она танцевала с Андреем Болконским. Об этом бале помнят почти все, но о той финансовой причине, которая привела семейство Ростовых в Петербург – немногие.

Вскоре после приезда семьи в Петербург Вера вышла замуж за Берга. Старшим Ростовым сначала показалось странным, что «сын тёмного, лифляндского дворянина делает предложение графине Ростовской». Но расстроенные финансы, возраст Веры и покладистость жениха сделали своё дело – согласие было дано. За неделю до свадьбы между женихом и Ильёй Андреевичем произошёл тягостный разговор. Граф «решиительно не знал, что у него есть, сколько у него долгов

и что он в состоянии будет дать в приданое Вере». Он хотел было выписать жёниху вексель на 80 тысяч, но тот просил хотя бы 30 тысяч «чистыми деньгами», то есть наличными. В порыве великодушия граф дал 20 тысяч наличными и вексель на 80 тысяч (2:3:11).

Осенью 1809 г. Борис Друбецкой после давней детской влюблённости снова влюбляется в Наташу, хорошо понимая, что «женитьба на ней — девушке почти без состояния, — была бы гибелью его карьеры» (2:3:12). Но поскольку Борис беден, мать Наташи отваживает нежелательного кандидата (2:3:13). Для Наташи это второе предложение, первое сделал друг и старший товарищ Николая ротмистр Василий Денисов. Ему было отказано. Когда же руки Наташи просит Андрей Болконский, слывший после смерти жены богатым и знатным женихом, её родители немедленно соглашаются.

Весной 1810 г. Николай Ростов, который в своём Павлоградском полку уже командовал эскадроном, получил тревожное письмо от матери. Она просила сына приехать домой и навести порядок в делах, поскольку иначе «всё именье пойдёт с молотка и все пойдут по миру». Имея, как пишет Толстой, «здравый смысл посредственности», Николай взял отпуск и двинулся в Отрадное (2:4:1). Сам этот адрес – а в романе ничего не говорится об обратном движении семьи Ростовых из Петербурга в имение – указывает на то, что план графа Ильи Андреевича поступить на государственную службу не увенчался успехом⁴.

В Отрадном Николай потребовал от управляющего Митеньки «счёты всего», сам слабо понимая, что это значит. Фактически речь шла о полной финансовой отчётности. Разговор не задался. Молодой граф «весь красный, с налитой кровью в глазах» вышвырнул Митеньку из его флигеля и пинком спустил со ступенек (2:4:2). Сцена эффектная и бесполезная: ею аудит начался и закончился. На завтра граф Илья Андреевич и заступался за Митеньку, и просил сына заняться делами. Николай честно признался, что ничего не смыслит в финансах, и с увлечением занялся «новыми для него делами псовой охоты, которая в больших размерах была заведена у старого графа» (2:4:2).

Хотя Илья Андреевич вышел из предводителей дворянства, что было связано с расходами, дела его не поправлялись. Наташа и Николай часто слышали тайные разговоры родителей «о продаже богатого, родового Ростовского дома и подмосковной». Между тем жизнь в Отрадном шла заведённым чередом: за стол ежедневно садилось больше 20 человек, в конюшне стояли 50 лошадей, граф любил пиры и много проигрывал в карты. Графиня в качестве последнего средства спасти семью от разорения подыскала Николаю богатую невесту – Жюли Карагину. План не удался: Николай отказался жениться на деньгах без прямого указания матери, на что она тоже не решилась (2:4:8).

⁴ В основу образа старого графа Ростова легла история жизни деда писателя по отцу, Ильи Андреевича Толстого, бессмысленно щедрого и запутавшегося в долгах помещика. Прототип, в отличие от героя романа, сумел выхлопотать себе место губернатора в Казани.

Пензенские имения и нижегородские леса, которые отдавались за Жюли после смерти её братьев, привлекли другого кандидата – Бориса Друбецкого. Через месяц ухаживаний он подавил в себе ужас «перед отречением от возможности настоящей любви» и сделал предложение. Самодовольная и некрасивая Жюли потребовала от Бориса за своё состояние сказать, «что он любит её, и никогда ни одну женщину не любил более её». Когда психологический барьер был взят, жених и невеста приступили к подготовке свадьбы и устройству блестящего дома в Петербурге (2:5:5).

Другая, более компактная экономическая фабула второго тома, связана с проведением хозяйственных и институциональных, как сказали бы сегодня, реформ во владениях двух главных героев – Пьера и Андрея. После дуэли с Долоховым и яростной ссоры с женой Пьер выдал ей доверенность на управление всеми великорусскими имениями и один уехал из Москвы в Петербург (2:1:6). Там он стал масоном и нашёл цель жизни в том, чтобы улучшать жизнь принадлежавших ему крестьян. Для этого Пьер надумал посетить Киевскую губернию, где находилась основная часть его имений. По приезду в Киев он вызвал в главную контору всех управляющих.

Он сказал им, что немедленно будут приняты меры для совершенно-го освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работой, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываема помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы (2:2:10).

Несмотря на огромный годовой доход в 500 тысяч рублей, Пьер чувствовал себя менее богатым чем, когда получал по 10 тысяч от отца. В общих чертах он представлял себе следующий бюджет: 150 тысяч – «графине на прожитьё»; 80 тысяч платилось в Совет по всем имениям; 70 тысяч – проценты по долгам; 30 тысяч – содержание подмосковного имения, московского дома и княжон; 30 тысяч – пенсии и богоугодные заведения; 10 тысяч – постройка церкви. Остальные 100 тысяч расходились неизвестно куда так, что каждый год приходилось занимать. Пьер регулярно вызывал к себе главноуправляющего и обсуждал с ним дела, ничего не понимая и только притворяясь, что вникает в суть (2:2:10).

Весной 1807 г. на обратном пути в Петербург Пьер решил объехать все свои имения и проверить, как выполняются его поручения. Главноуправляющий ловко подыграл прожектёрскому запалу молодого барина. Всюду началось строительство школ, больниц и приютов. На всём пути следования крестьяне встречали Пьера с образами и горячо благодарили за благодеяния.

Пьер только не знал того, что там, где ему подносили хлеб-соль и строили придел Петра и Павла, было торговое село и ярмарка в Петров день, что придел уже строился давно богачами мужиками, села, теми, которые явились к нему, а что девять десятых мужиков этого села были в величайшем разорении. Он не знал, что вследствие того, что перестали по его приказу посылать ребятниц-женщин с грудными детьми на барищину, эти самые ребятницы тем труднейшую работу несли на своей половине. Он не знал, что священник, встретивший его с крестом, отягощал мужиков своими поборами, и что собранные к нему ученики со слезами были отдаваемы ему, и за большие деньги были откупаемы родителями. Он не знал, что каменные, по плану, здания воздвигались своими рабочими и увеличили барищину крестьян, уменьшенную только на бумаге. Он не знал, что там, где управляющий указывал ему по книге на уменьшение по его воле оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барищинная повинность (2:2:10).

Любуясь из венской коляски живописными сельскими пейзажами, Пьер радовался тому, как много ему удалось сделать столь малыми усилиями. И, хотя он не решил для себя, надо ли освобождать крестьян (которые сейчас были счастливы, и которых на воле ждала неизвестность), из путешествия он возвращаться в «самом счастливом состоянии духа» (2:2:10–11). Благие намерения окончились вместе с путешествием. В Москве Пьер снова впал в расточительство. Его кошелек был открыт для всех, он без разбора тратил деньги на бенефисы и подписные обеды, на школы и благотворительные общества, на дурные картины, статуи, книги, церкви и кутежи (2:5:1).

Вслед за тем, как весной 1806 г. князь Андрей вернулся домой после ранения под Аустерлицем, отец отделил его и передал большое имение Богучарово в 40 вёрстах от Лысых Гор. Начав строительство, Андрей проводил там основную часть времени (2:2:8). К весне 1809 г. он уже два года безвыездно прожил в деревне. Все те преобразования, которые Пьер затеял и не довёл до конца в своих имениях, Андрей последовательно и без лишнего шума реализовал у себя.

Он имел в высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цепкость, которая без размахов и усилий с его стороны давала движение делу. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России), в других барищина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счёт учёная бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьянских и дворовых грамоте (2:3:1).

Как замечает В.Н. Курицын, действие романа «Война и мир» начинается вскоре после принятия Указа о вольных хлебопашцах (1803). Данный акт явился первым шагом в долгом процессе освобождения крестьян, который завершился

отменой в 1861 г. крепостного права. Согласно указу, помещик имел право отпускать крестьян на волю по взаимному согласию с выделением земельного участка за оговорённый выкуп, за отработку или безвозмездно. Князь Андрей действительно был пионером этого движения. Ведь за время правления Александра I, то есть до 1826 г., по названному указу свободу получили только полпроцента крестьян (Курицын 2024: 333–334).

За свои нововведения князь Андрей приобрёл репутацию либерала. Одни приветствовали его реформаторство, другие критиковали. Показательная сцена произошла в августе 1809 г. на приёме у графа Кочубея. Глядя на Андрея, Кочубей упомянул, как на днях говорил о его вольных хлебопашцах со Сперанским. Сидевший рядом екатерининский старик презрительно обернулся на Болконского и спросил, он ли отпустил своих мужиков. Услышав скромный утвердительный ответ, старик осудил закон и язвительно поинтересовался, «кто будет землю пахать, коли им волю дать?» (2:3:5).

О быте русского дворянства Толстой писал со знанием дела, так как сам принадлежал к этому сословию, а при создании романа использовал воспоминания широкого круга знакомых и родственников. Кровные узы связывали Льва Николаевича с династиями Трубецких, Волконских, Одоевских, Голицыных, Горчаковых (Иващенко 2016). На этом основании Г.В. Плеханов весьма критически высказывался о социальном конформизме Толстого, называя его гениальным «бытописателем высшего сословия» (Плеханов 1923: 80). Читатель имеет все основания верить Толстому, когда он рисует процесс обеднения Ростовых и их бессилие перед надвигающимся финансовым крахом.

Разобраться в денежных делах не могут ни отец, ни сын Ростовы, ни Пьер Безухов. Все они вверяют дела неподконтрольным управляющим. Кроме князя Андрея считать деньги среди героев романа «Война и мир» умеют люди небогатые. О своём умении устроить финансовые дела с гордостью говорит офицер Семёновского полка поручик Берг (1:1:18). Он же просит будущего зятя Илью Андреевича дать часть приданого наличными. Деньги считает ротмистр Василий Денисов.

Особую бухгалтерию ведёт появляющийся в конце второго тома ямщик Балага, при помощи которого Анатолий и Долохов задумывали увезти Наташу для тайного венчания. Балага, фигура которого имела реального прототипа (Кандиев 1967: 182), уже шесть лет катал на своих тройках Анатолия и Долохова, выполняя самые трудные и опасные поручения. С обычными ездоками он торговался и «брал по двадцати пяти рублей за двухчасовое катанье». Но со своих господ, как он звал Анатолия и Долохова, «никогда ничего не требовал за свою работу», а только раз в несколько месяцев, просил «выручить его» или ссудить, сколько можно. Они же, «когда бывали в деньгах, давали ему по тысяче и по две рублей» (2:5:16).

Можно предположить, что денежные и личные отношения, которые содержатся во многих сделках, являются подвижными. При приоритете личного компонента денежная часть уходит на второй план и видоизменяется. В данном примере тесные личные связи между ямщиком и его привилегированными заказчиками видоизменяют, деформируют форму экономических отношений – как реальные условия неподписанного контракта, так и (в ещё в большей степени) его социальный имидж.

Стандартная для данного, весьма массового сегмента рынка, сделная оплата за каждую поездку исчезает. Де-факто услуга предоставляется в кредит. Разовая оплата трансформируется в паушальный платёж без дифференциации составляющих. Сумму и срок платежа определяет покупатель.

В ходе каждой конкретной поездки появляется ощущение, будто услуга оказывается бесплатно – как в дружеских или родственных отношениях. Счёт никогда не выставляется. Но компенсация за затраты (а Балага загнал с Анатолом и Долоховым не одну лошадь) не исчезает. Иллюзия безвозмездности прерывается раз в несколько месяцев. При этом оболочка сделки трансформируется до неузнаваемости и принимает вид, противоположный её реальному содержанию. Уже не ямщик возит господ в кредит, а они совершают благодеяние – выручают или ссужают его.

Важно, что подобная условность поддерживалась годами. Следовательно, она отвечала интересам сторон, их эмоциональным и ценностным запросам. Неопределённость экономических отношений, размытость прав и обязательств сторон проявляются в истории Балаги и господ-заказчиков гораздо сильнее, чем в истории денежных отношений княгини Друбецкой с семьёй Ростовых. Во втором случае налицо деформация социальной оболочки контракта. Но в обоих случаях денежный формат маскируется дружбой. При этом иллюзорность выступает проводником свободы, она расширяет поле для манёвра должника, морально облегчает бремя его ответственности.

Том третий. О войне, ценах и ценностях

События третьего тома происходят в течение трёх первых месяцев Отечественной войны 1812 г. Они начинаются в июне, когда французская армия вступает в пределы России, и оканчиваются пожаром Москвы в начале сентября. Все экономические сюжеты тем или иным образом оказываются связанными с военными действиями и, на первый взгляд, кажутся разрозненными. Однако их логическое единство существует. Оно, что было трудно ожидать от Толстого, формируется не в плоскости предмета, а в плоскости метода. Следуя своей тактике поступательно-возвратного движения, Лев Николаевич, подобно описанным им партизанам, водит читателя «через линию фронта» – из одного стана

в другой. Граница проходит между материальным и нематериальным, между неприкосновенностью частной собственности и правом брать чужое, между обмена и их антиподами – жертвой, даром и грабежом.

В третьем томе появляются признаки макроэкономических процессов, о себе заявляют рынки, расширяется круг действующих субъектов. Ими выступают не только физические лица, но и социальные группы: дворянство, купечество, горожане, крестьяне, солдаты и офицеры обеих армий.

12 июня 1812 г. французские войска перешли Неман. 13 июня Наполеон распорядился «как можно скорее доставить заготовленные фальшивые русские ассигнации для ввоза в Россию» (3:1:2). 15 июля в Слободском дворце в Москве состоялось собрание дворян и купцов, государь по очереди обратился к каждому сословию. От купцов ожидалось миллионы. Московское дворянство, вслед за смоленским, выделяло «по десять человек с тысячи и полное обмундирование». Узнав, что граф Мамонов жертвует полк, Пьер Безухов решил отдать «тысячу человек и их содержание» (3:1:23). Мамонов тратил на свой полк 800 тысяч рублей, а Безухов на своих ратников – ещё больше. Хотя главноуправляющий доказывал Пьеру, что затея с полком разорит его, он стоял на своём (3:2:27–28).

После разрыва помолвки с князем Андреем и попытки побега с Анатолом Наташа слегла от неизвестного недуга. Ради неё лето 1812 г. Ростовы проводили в Москве. Наташе приглашали дорогих докторов и покупали пилюли в красивых коробочках. Её выздоровление стало главной заботой семьи, а её проступок забывался.

Как бы переносил граф болезнь своей любимой дочери, ежели бы он не знал, что ему стоила тысячи рублей болезнь Наташи, и что он не жалует ещё тысяч, чтобы сделать ей пользу; ежели бы он не знал, что ежели она не поправится, он не пожалеет ещё тысяч и повезет её за границу и там сделает консилиумы... (3:1:16).

Хотя Наташа не верила в лекарства, ей «было радостно видеть, что для неё делали так много пожертвований» (3:1:16). Так в начале третьего тома появляется мотив жертвы и жертвенности. Далее Толстой показывает различные социальные функции жертвы, которая может со стороны казаться расточительной и бессмысленной. Закономерно возникают аналогии с обрядом потлач (который существует в культуре североамериканских индейцев и лежит в основе моральных учений в Индии), когда люди с той или иной символической целью раздают или уничтожают своё имущество. В романе «Война и мир» потлач резонно усматривают в оставлении Кутузовым Москвы и в сжигании жителями Смоленска своего имущества (Полтавец 2017: 124).

В случае с Наташей жертва сплывает семью, утверждает приоритет нематериального над материальным. Она также помогает людям членить время, устанавливая психологическую границу между настоящим и прошлым.

Проступок Наташи мысленно отсекается от настоящей и будущей жизни семьи. Сделать это позволяют бессмысленные с позиций рационального траты. К слову, потлач традиционно выступает средством воздействия на другого с целью заставить его изменить своё поведение (Гюнтер 2012: 21).

Окрепнув физически, Наташа воспрянула духом в церкви – в молитвах за русское воинство, за родных и любимых. Когда же настал черёд молиться о ненавидящих нас, она «причисляла к врагам кредиторов и всех тех, которые имели дело с её отцом...» (3:1:18). Одной фразой Толстой иллюстрирует известное ему состояние умов, когда экономические отношения отрывались от сути и перемещались в плоскость личной приязни или неприязни. Тягостные для должника обязательства ставились в вину кредитору, а слабая бюджетная дисциплина вытеснялась из сознания.

В начале августа 1812 г. французские войска подошли к Смоленску. Народ бросился бежать из города, цены за транспорт взлетели вверх. Здесь мы видим хрестоматийную взаимосвязь между спросом, предложением и ценой. Причём предложение (количество подвод) является крайне неэластичным по цене, поскольку дополнительные подводы взять неоткуда. Мужики, как пишет Толстой, сначала просили по три, а потом по семь рублей за подводу из Смоленска до Дорогобужа (3:2:4).

Но когда вследствие обстрела в городе начались пожары, желание нажиться на общей беде поменялось на противоположное. Торговцы раздавали русским солдатам съестные припасы, чтобы не оставлять их врагу. Купец Ферапонтов сам запалил свой амбар и ночью вместе с толпой азартно наблюдал, как в пламени и чёрном дыму обрушился потолок (3:2:4). Во всех других городах и сёлах, как только подходил неприятель, «богатейшие элементы населения уходили, оставляя своё имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось» (3:3:5).

8 августа Кутузов был назначен полномочным главнокомандующим армий. Одно из первых его распоряжений касалось мародёрства русских войск. Когда дежурный генерал представил «к подписи бумагу о взыскании с армейских начальников по прошению помещика за скошенный зелёный овес», светлейший велел бросить бумагу в печку и впредь отправлять в огонь все подобные дела. «Пускай косят хлеба и жгут дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя. Дрова рубят — щепки летят» (3:2:15). То есть, справедливая компенсация в условиях войны не может быть обязательной, а права собственности не могут соблюдаться в нормальном режиме. Так Толстой показывает грань между рыночными и нерыночными отношениями.

Позиция Кутузова дала большое облегчение войскам. Вечером 25 августа, накануне Бородинского сражения, Пьер стал свидетелем разговора офицеров в палатке князя Андрея. Они говорили, что «свет увидели» после решения светлейшего о дровах и кормах. Ранее, под командованием Барклая-де-Толли,

отступавшие русские войска не смели «хворостины тронуть или сенца», оставляя всё неприятелю. В полку капитана Тимохина «под суд двух офицеров отдали за этикие дела». Всегда сдержанный князь Андрей, срываясь на крик, доказывал Пьеру, что немец Барклай «не мог понять, что мы в первый раз дрались там за Русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал...» Именно поэтому в критическое для страны время его следовало заменить русским полководцем (3:2:25). Здесь Толстой указывает на чрезвычайно важный в человеческих отношениях и недооценённый в экономической политике фактор принадлежности к группе. Иностранец не мог понять и разделить идеалов, которые имели первостепенное значение для русских войск и для Кутузова.

Об этой принадлежности Толстой говорит другим, весьма отличным по характеру, эпизодом. Командование войсками Кутузов принял в деревне Царёво-Займище Смоленской губернии. По традиции в церкви его с крестом встретил местный поп. На время светлейший остановился в его избе и там принимал приходявших с докладами генералов. Хозяйка дома, улучив момент, поднесла Кутузову на блюде хлеб-соль. Взглянув на наряженную в розовое платье румяную молодую попадью, Кутузов весело прищурился, похвалил её за красоту, «достал из кармана шаровар несколько золотых и положил ей на блюдо» (3:2:16).

Жест заслуживает отдельного разбора. Любезность и комплимент женщине лишь оттеняют главное содержание действия – выражение позиции «большого человека» в отношении других членов общества. Согласно классической трактовке Маршалла Салинса, власть «большого человека», или «бигмена» (англ. – *big man*) не является политической, она не наследуется и не связана с должностью, её источником выступает только *личный авторитет*. Занимая центральное положение в группе, такой человек помогает более слабым, проявляет к ним щедрость и великодушие, направляет на целесообразные для группы действия (Sahlins 1963: 289–290).

Подарок Кутузова устанавливает личные отношения между главнокомандующим и его мимолётной знакомой. Золотые монеты становятся символом их причастности к большому общему делу, к судьбе народа, что стирает социальные границы, закрепляя приоритет гражданственности над чинами и богатством. Как отличается атмосфера этого подарка от той, в которой графиня Ростова предлагала деньги княгине Друбецкой. Кутузов и попадья довольны. Деньги для них – никак не низкий, грязный предмет, а желанная звонкая монета, хотя здесь она выступает более в символической, нежели в материальной форме.

10 августа 1812 г. полк под командованием Андрея Болконского, проходил мимо его родового имения. Он заехал в Лысые Горы и застал там картину разорения: телята и лошади бродили по английскому парку, стёкла оранжереи были выбиты, а фрукты оборваны вместе с ветками. Как доложил управляющий Алпатыч, всё ценное было вывезено в соседнее село Богучарово. Туда же перевезли

100 четвертей хлеба. Сено и богатый урожай ярового хлеба был «зелёным взят и скошен» войсками. Остававшиеся на месте 600 четвертей овса решили отпустить командам под расписку.

Следующая сцена является ключевой для понимания социально-экономического кредо Л.Н. Толстого периода написания романа «Война и мир». На выезде из имения Андрей увидел двух девочек, которые на бегу уносили в подолах сорванные с орangerейных деревьев сливы. Заметив барина, девочки спрятались за деревом, Андрей поспешно отвернулся.

Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему и столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его. Эти девочки очевидно страстно желали одного — унести и доесть эти зелёные сливы, и не быть пойманными, и князь Андрей желал с ними вместе успеха их предприятию. Он не мог удержаться, чтобы не взглянуть на них ещё раз. Полагая себя уже в безопасности, они выскочили из засады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подолы, весело и быстро бежали по траве луга своими загорелыми босыми ноженками (3:2:5).

Рассматривая данный эпизод, С.Г. Бочаров отмечает его неожиданный дуализм. Сначала князь Андрей впервые «органически ощущает законность» чужих интересов, а затем к нему приходит успокоительное ощущение устойчивости жизни (Бочаров 1978: 73–74). Здесь проявляется подлинный гуманизм Толстого, исходя из которого он выступает как либерал в широком смысле и как сторонник экономического либерализма, в частности. Действиями своего любимого героя он приглашает читателя признать ценность других людей и их интересов. В чисто практическом ключе мелкая кража, будучи санкционированной, превращается в подарок, о чём знает только одна сторона – князь Андрей. Неприкосновенность частной собственности нарушена, но это нарушение идёт на пользу владельцу имущества.

В середине августа 1812 г. старый князь Болконский умирает в Богучарове. Оставшись одна, княжна Марья хочет поскорее уехать в Рязанскую губернию или под Москву, как советовал брат, чтобы не попасть в руки французов. Однако богучаровский староста Дрон, который за 23 года службы «никогда не забывал ни одного счёта денег», ни одного пуда муки и ни одной копны хлеба, уверяет, что лошадей нет, а мужики голодают (3:2:9)

На другой день княжна Марья собирает мужиков. Она предлагает им взять весь господский хлеб и со всем имуществом скорее ехать в подмосковную, где им гарантируют кров и пропитание. Мужики, однако, уже решили остаться под французами, боясь, что иначе их хозяйства подвергнутся разграблению. Они не согласны ехать (3:2:11). Несмотря на все полезные реформы князя Андрея, крестьяне не доверяли барыне и видели в её словах не благодеяние, а обман.

Мало того, утром следующего дня мужики не дали княжне Марье выехать из поместья – фактически, взяли её в заложники. На её счастье, в Богучарово, которое тогда находилось между двумя армиями, в поисках сена заехали четверо русских гусар. Одним из них был Николай Ростов. Офицеры быстро усмирили бунт и проводили экипаж княжны до безопасного места. Товарищи Ростова по полку шутили, что он, «поехав за сеном, подцепил одну из самых богатых невест в России». Николай сердился, «потому, что мысль о женитьбе на приятной для него кроткой княжне Марье с огромным состоянием не раз против его воли приходила ему в голову» (3:2:14).

Сцену богучаровского бунта критиковали за замалчивание и отступление от правды. В.Б. Шкловский писал, что Толстой «как самый помещичий писатель» вложил в роман «Война и мир» свои манеры жить и свой способ хозяйствовать. Поскольку в пору создания романа вопрос об освобождении крестьян был крайне злободневен, Толстой обходил его стороной, а своё собственное предчувствие бунта вытеснил картиной лёгкого подавления бунта силами одного дворянина (Шкловский 1928: 12–13). Кэтрин Фойер добавляет, что Толстой не мог не знать фактов: многие крестьяне приветствовали Наполеона в надежде, что он освободит их. Однако писатель не хотел связывать освобождение с Наполеоном и потому объяснил действие крестьян весьма туманно (Фойер 2002: 165).

День Бородинского сражения, 26 августа, Пьер провёл на батарее Раевского. Вечером он побрёл по дороге в сторону Можайска и, выбившись из сил, прилёг на обочине. Трое солдат в середине ночи развели рядом огонь, сварили похлёбку и пригласили Пьера к котелку. Их кушанье из сухарей и сала «казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел». Затем солдаты проводили Пьера до Можайска.

Прощаясь, Пьер взялся за карман, чтобы дать им денег, но внутренний голос сказал ему, что это не нужно (3:3:8). Мельчайший описанный Толстым эпизод нагружен смыслом. Пьер почувствовал, что отношения людей, которые только что побывали в горниле ещё продолжающегося сражения, находятся в пространстве чистой морали. Там нет и не может быть места обмену. Будучи одним из богатейших людей империи, он принял дар от простых солдат – хлебал деревянной ложкой их нехитрую похлёбку. В эти минуты их объединило чувство родины и общей судьбы. Чтобы выдержать ноту и остаться вне социальной иерархии, от Пьера потребовалась работа души. И он её сделал.

В последний день перед сдачей Москвы на её положение указывали, как пишет Толстой, две вещи: сословие бедных и цены. Оставшийся в городе простой люд рассыпался по питейным домам и трактирам. Цены на оружие, на золото, на телеги и лошадей поднимались, а на другие вещи падали. В середине дня «за мужицкую лошадь платили 500 рублей; мебель же, зеркала, бронзы отдавали даром» (3:3:15). Обычное состояние рынков в условиях ажиотажа сменится новым выходом за пределы рынка.

Следующий эпизод широко известен. Утром 1 сентября на дворе у дома Ростовых на Поварской стояло 30 готовых к отъезду подвод с вещами. Тем временем с разных сторон к дому тянулись раненые и их посыльные – с просьбой дать транспорт для выезда из Москвы. Граф Илья Андреевич был готов уступить, но графиня не соглашалась. Исход дела решила Наташа, разгневанная она ворвалась в комнату матери и убедила её поступить по совести. Скоро на земле лежали «неубранные сундуки с посудой, с бронзой, с картинами, зеркалами, которые так старательно укладывали в прошлую ночь» (3:3:16).

Одураченным Мефистофелем, по выражению Франца Меринга, выглядит на этом фоне зять Ростовых полковник Берг (Меринг [1900]1934: 294). В обстановке всеобщего хаоса им двигало единственное желание – дёшево купить «шифоньерку и туалет» из дома Юсуповых. К тестю Илье Андреевичу он явился просить мужиков-грузчиков, и был послан к чёрту. Во втором часу дня четыре экипажа Ростовых стояли у подъезда. Подводы с ранеными, одна за другой, выезжали со двора. Несколько таких же поездов, как у Ростовых, съехались с разных сторон в Кудрине и потянулись в два ряда по Садовой (3:3:16–17). Ещё одна жертва, осмысленная и праведная. Она была особенно значимой для семейства Ростовых, у которых, по тонкому наблюдению М.А. Алданова, почти нет другой жизни, кроме материальной, тогда как все Болконские заняты напряжённой духовной работой (Алданов 1923: 21–22).

В ночь на 2 сентября Кутузов отдал приказ об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу. Армия Наполеона наседала. Русские войска проходили через Москву с двух часов ночи и до двух часов дня. На Москворецком и Каменном мостах образовались заторы. Пользуясь остановкой, солдаты потянулись в торговые ряды. Люди почувствовали, что «можно брать без труда чужое». В Гостином дворе текли два потока: одни мундиры и солдатские шинели без ружей молчаливо выходили с ношами, а другие, без ноши, заходили. Купцы с потерянным видом отпирали и закрывали свои лавки и сами куда-то уносили свои товары (3:3:21).

Когда французские солдаты вошли в Москву, они представляли собой «измученное, истощенное, но ещё боевое и грозное войско». Но как только люди стали расходиться по пустым и богатым квартирам, занимать целые дома, выбирать себе коляски и кареты, войско уничтожилось (3:3:26).

Когда, через пять недель, те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли более войска. Это была толпа мародеров, из которых каждый вёз или нёс с собой кучу вещей, которые ему казались ценны и нужны. Цель каждого из этих людей при выходе из Москвы не состояла, как прежде, в том, чтобы завоевать, а только в том, чтоб удержать приобретённое (3:3:26).

Толстой поднимает тему взаимодействия человека с миром материальных ценностей. Грабёж русских у своих же выглядит оправданным. Будучи санкционированным, он превращается в потлач для одних и в дар для других. Грабёж французов, даже если его никто не в силах остановить, не превращается в благо даже для грабителей.

Том четвёртый и эпилог. Отдать долги, стать богаче

Четвёртый том охватывает период с конца августа 1812 г. по январь 1813 г., когда армия Наполеона оставляет Москву и бежит из России, а русские войска преследуют неприятеля. Эпилог повествует о жизни семей Ростовых и Безуховых с весны 1813 г. по конец 1820 г. Лейтмотивом звучит тема возрождения и обновления жизни. Подсчёт убытков и восполнение утрат знаменуют переход к новому образу жизни на основе более глубокого понимания природы человека. Герои романа переосмысливают соотношение между материальными и нематериальными ценностями. Их система хозяйствования становится более ответственной, рациональной и устойчивой – что звучит поразительным консонансом современной общественной повестке.

Произведения Толстого всегда подкупают честностью. Вот и здесь, рассказывая о жизни до половины завоёванной России, он призывает читателя не думать, будто «все русские люди, от мала до велика, были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать над его гибелью». Правда жизни в ином. «Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени. Те же, которые пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и геройством хотели участвовать в нём, были самые бесполезные члены общества...» (4:1:4). Ту же мысль – о полезности следования личным интересам – Толстой проводит, как будет показано далее, и применительно к экономическим отношениям.

Оставшаяся в Москве армия Наполеона продолжала деградировать. «Фальшивые и не фальшивые ассигнации наполняли Москву, и не имели цены. Для французов, собиравших добычу, нужно было только золото». Даже серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото. Тщетными были старания Наполеона «остановить грабежи и восстановить дисциплину» (4:2:10). Перед выездом из Москвы у неприятельской армии не было фуража, потому что в окрестных сёлах мужики жгли своё сено и не продавали французам даже по высокой цене (4:3:1).

К этим известным фактам остаётся добавить, что переизбыток денег всегда кончается одинаково, а сено XIX в. следует приравнять к современной нефти. С конца октября, «когда начались морозы, бегство французов получило только более трагический характер замерзающих и изжаривающихся на смерть

у костров людей и продолжающих в шубах и колясках ехать с награбленным добром императора, королей и герцогов» (4:3:16). Читатель невольно сочувствует французам, которые не в силах бросить награбленное, когда на кону уже стоит их жизнь. Незаметно для них наступает время потлача, подобно тому, как оно настало для Ростовых, когда они отдали подводы под раненых, и для купца Ферапонтова, запалившего свой амбар с хлебом.

Ночью с 6 на 7 октября французские войска начали покидать Москву. Первыми в опустевший город вошли казаки, крестьяне из соседних деревень и скрывавшиеся в окрестностях жители. Они грабили и увозили всё, что оставалось не разграбленным. Вслед за ними стали прибывать домовладельцы, духовенство, чиновники, ремесленники и торговцы. Все эти люди, «как кровь к сердцу» приливали к сожжённой древней столице (4:4:13).

Через неделю уже мужики, приезжавшие с пустыми подводами, для того чтоб увозить вещи, были останавливаемы начальством и принуждены к тому, чтобы вывозить мертвые тела из города. Другие мужики, прослышав про неудачу товарищей, приезжали в город с хлебом, овсом, сеном, сбивая цену друг другу до цены ниже прежней. Артели плотников, надеясь на дорогие заработки, каждый день входили в Москву, и со всех сторон рубились новые и чинились старые, погорелые дома. Купцы в балаганах открывали торговлю. Харчевни, постоянные дворы устраивались в обгорелых домах (4:4:13).

Исследователи особо выделяют данный фрагмент как пример эффективно функционирования рыночной экономики. «Невидимая рука» рынка направляет действия свободных индивидуумов, каждый из которых преследует частные, эгоистические интересы. Как справедливо отмечают Бреннан и Ватерман, успешная работа рыночных механизмов в данном случае не случилась бы без первоначального импульса властей. Они восстановили правовой порядок в городе и направили действия крестьян в полезное русло (Brennan, Waterman 2020: 401–403)

Пожар Москвы стоил Пьеру два миллиона рублей. Управляющий рекомендовал ему отказаться от долгов Элен, а также не возобновлять московских домов и подмосковного имения, на которые уходило по 80 тысяч в год. Пьер решил иначе – «покончить дела жены и строиться в Москве». Хотя это решение уменьшало его доходы на три четверти, он чувствовал, что так надо. Другим же он рассказывал, что он стал втрое богаче, потому что выиграл свободу (4:4:13, 17). Словами, вложенными в уста любимого героя, Толстой утверждает собственные жизненные установки: свобода личности – наивысшая ценность. Она включает свободу от долгов и свободу действовать согласно морали, а не в угоду материальному.

Ранней весной 1813 г. Наташа вышла замуж за Пьера Безухова. В тот же год умер её отец граф Илья Андреевич Ростов. «В последний день он, рыдая, просил прощения у жены и заочно у сына за разорение имения — главную вину, которую он за собой чувствовал». Известие о смерти отца застало Николая Ростова в Париже, где он был с русскими войсками. Николай подал в отставку и приехал в Москву. Открывшееся положение денежных дел графа потрясло всех: долгов было вдвое больше, чем имения. Друзья советовали Николаю отказаться от наследства, но он видел в этом «выражение укора священной для него памяти отца» и потому «принял наследство с обязательством уплаты долгов» (Эпилог:1:5).

Кредиторы, так долго молчавшие, будучи связаны при жизни графа тем неопределённым, но могучим, влиянием, которое имела на них его распушенная доброта, вдруг все подали ко взысканию. Явилось, как это всегда бывает, соревнование — кто прежде получит, — и те самые люди, которые, как Митенька и другие, имели безденежные векселя — подарки, явились теперь самыми требовательными кредиторами. Николаю не давали ни срока, ни отдыха, и те, которые, по-видимому, жалели старика, бывшего виновником их потери (если были потери), теперь безжалостно накинулись на очевидно невиновного перед ними молодого наследника, добровольно взявшего на себя уплату (Эпилог:1:5).

Имение продали с молотка за полцены, что позволило заплатить только половину долгов. Николай взял предложенные Пьером 30 тысяч «для уплаты той части долгов, которые он признавал за денежные, настоящие долги». Чтобы выплачивать остальные долги и не быть посаженным в долговую яму, чем ему угрожали кредиторы, он поступил на статскую службу. Жалованья в 1200 рублей едва хватало на скромную жизнь с матерью и Соней в маленькой квартире. Из всех сил Николай старался скрыть своё бедственное положение от матери, с детства привыкшей к роскоши. Она не понимала трудностей сына и потому требовала «то экипажа, которого у них не было», то дорогого кушанья или денег на подарки родным (Эпилог:1:5). Тяжёлый период продолжался около года.

Осенью 1814 г. Николай женился на княжне Марье и вместе с матерью и Соней переехал в Лысые Горы⁵. Он оказался умелым хозяином, в три года заплатил долги отца и ещё через три года начал переговоры «о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту» (Эпилог:1:7).

⁵ Так поступил отец писателя Николай Ильич Толстой. Приняв наследство отца с большими долгами, он женился на богатой наследнице Марии Николаевне Волконской и поселился семьёй в Ясной Поляне (Кандиев 1967: 99).

Николай был хозяин простой, не любил нововведений, в особенности английских, которые входили тогда в моду, смеялся над теоретическими сочинениями о хозяйстве, не любил заводов, дорогих производств, посевов дорогих хлебов и вообще не занимался отдельно ни одною частью хозяйства. У него перед глазами всегда было только одно имя, а не какая-нибудь отдельная часть его. В имя же главным предметом был не азот и не кислород, находящиеся в почве и воздухе, не особенный плуг и наез, а то главное орудие, чрез посредство которого действует и азот, и кислород, и наез, и плуг, т. е. работник-мужик (Эпилог:1:7).

Только поняв устремления мужика, его вкусы и представления о том, что хорошо и плохо, Николай стал смело управлять делами. И тогда хозяйство его приносило «самые блестящие результаты». При этом Николай не допускал мысли, что он действует ради блага своих подданных. Его объяснение было простым: «если крестьянин гол и голоден, и лошада́нка у него одна, так он ни на себя, ни на меня не сработает». И поэтому, как пишет Толстой, всё, что он делал, было плодотворно (Эпилог:1:7).

В том, что жить ради других – пустая затея, князь Андрей убеждал Пьера весной 1807 г. После поездки по южным имениям Безухов был полон наивной радости за улучшение жизни крестьян. Болконский был настроен скептически. Он доказывал, что человек не в состоянии облагодетельствовать других и не должен ставить такой цели. Освобождать крестьян, как он саркастически заметил, нужно не для них самих, а для тех людей, которые годами пользуются неограниченной властью и потому «наживают себе раскаяние» (2:2:11). Здесь Толстой выступает как последователь классической политической экономии. Именно эти два условия называет Адам Смит: преследуя собственный интерес человек «более действенным способом служит интересам общества, чем когда сознательно стремится делать это». Государство не должно управлять хозяйственными решениями частных лиц, поскольку власть в руках самонадеянного человека становится опасной (Смит [1776] 2007: 442–443).

Большой и просторный дом, где Николай жил с женой, тремя детьми, Софией, матерью, племянником жены и другими домочадцами, был устроен самым простым образом. Он имел некрашенные дощатые полы и был меблирован жёсткими диванами, столами и стульями «из своих берёз и работы своих столяров»⁶ (Эпилог:1:9). С весны до осени Николай осенью усердно занимался хозяйством, часто бывал в поле, а порой весь день проводил в конторе управляющего. Он держал в уме текущую конъюнктуру (в современных терминах) и радовался, узнав, что за лес в Тамбовской деревне давали уже 80 тысяч, что позволяло в скором времени выкупить Отрадное (Эпилог:1:15).

⁶ Описание соответствует тому образу жизни, который Л.Н. Толстой вёл в Ясной Поляне. По воспоминаниям очевидцев, он был привычен к простой и скромной обстановке. В доме во многих комнатах были некрашенные полы и подгнившие оконные рамы (Бунин [1937] 1996: 89).

По своему устройству хозяйство Николая напоминало промышленную общину, которую создал английский социалист-утопист и промышленник Роберт Оуэн в Нью-Ланарке (Шотландия). О действовавшей в 1800–1829 гг. общине и о проектах Оуэна Толстой узнал из вышедшего в 1861 г. подробного очерка Герцена. В письме Герцену Лев Николаевич сообщал, что Оуэн и его деятельность были весьма близки ему по духу (Краснов 1981: 423). Интересно, что Роза Люксембург, которая, вероятно, не знала об этом факте, ставила Толстого в один ряд с социалистами-утопистами начала XIX столетия – Фурье, Сен-Симоном и Оуэном. Толстого, несмотря на его идеализм, она высоко ценила как социального мыслителя и критика социальной несправедливости (Люксембург 1908: 98–99; 1918: 112, 116).

Но между Оуэном и Толстым имелась существенная разница. Оуэн считал, что все действия человека зависят от его воспитания. Толстой эту идею отвергал и твёрдо следовал своему убеждению о том, что человек обладает свободной волей и способен к самовоспитанию (Струве 1908: 230). Благодаря самовоспитанию Пьер отказывается от кутежей, филантропии и расточительства, а Николай учится финансовому учёту и планированию.

Пьер и Наташа имели в 1820 г. четверых детей. Живя большим домом, Пьер, к своему удивлению, замечал, что он тратил вдвое меньше, чем раньше. Его расстроенные, особенно по причине долгов первой жены, дела стали поправляться. Жизнь стала дешевле, потому что, по словам Толстого, в ней не было прежней роскоши, а её образ был раз и навсегда определён. Имея дома в Петербурге и Москве, Наташа отказалась от высшего света и светских развлечений, найдя своё призвание в семье и детях (Эпилог:1:12).

Заключение

Исследование позволило установить, что описанные в романе «Война и мир» экономические события представляют собой цельный и непротиворечивый смысловой массив. Роман содержит несколько сюжетных линий экономического свойства с присущей им оправданной логикой развития и социальной динамикой, соответствующей мировоззрению Л.Н. Толстого.

Первый вывод состоит в том, что неявно выраженное в романе «Война мир» экономическое кредо Л.Н. Толстого отвечает духу классической политической экономии с упором на свободную волю индивида. Из двух главных сформулированных Адамом Смитом постулатов рыночной экономики (экономическая свобода и принцип невмешательства), Толстой активно воспринимал и продвигал первый постулат и косвенно признавал второй. На протяжении романа Толстой повторяет, что наиболее полезными для общества оказываются те люди, которые преследуют собственные интересы, а не стремятся реализовать интересы других или общества в целом. Примеры самопожертвования и филантропии

представлены в книге как бесполезные. Экономический либерализм Толстого вытекает из его гуманизма, из представления о ценности каждого человека, наделённого свободой воли. Писатель подчёркивает, что личная свобода и ответственность должны сочетаться с признанием законности интересов других людей.

Второй вывод касается одобряемых Толстым принципов экономического поведения. Главные герои романа, Пьер Безухов и Николай Ростов в результате саморазвития приходят к устойчивому, осознанному и рациональному хозяйствованию. Каждый из них приобретает навыки учёта, финансовой дисциплины и планирования. Центром хозяйственной системы в имении Николая Ростова является человек-труженик, а не технологии и средства производства, что созвучно трудовой теории стоимости А. Смита. Столкнувшись с крупными финансовыми потерями, оба героя принимают «нерациональное» решение заплатить долги за умерших близких. Так проявляется их ответственность перед обществом и стремление к личной свободе, которую они ставят выше материальных затрат.

Выраженный в романе экономический принцип Толстого следует назвать принципом осознанного экономического поведения. Книга призывает к разумной достаточности в потреблении, которое выступает не самоцелью или методом социального позиционирования, а служит реализации более высоких ценностей индивидуума. Книга осуждает корысть, расточительство и попустительство недобросовестному экономическому поведению.

Третий вывод состоит в том, что экономические отношения всегда вписаны в социальную систему. Они не могут развиваться автономно, вне культуры, морали и политики, вне правил и условий конкретного социума.

Основная часть описанных в романе экономических событий происходит за пределами рынков с их стандартными, массовыми и обезличенными обменах. Стремясь к жизненной правде, Толстой показывает некоторые характерные черты межличностных экономических отношений. К ним относятся: разное и подвижное представление участников о существе и форме сделки; уклонение от чёткой фиксации прав и обязанностей сторон (особенно при тесных личных отношениях); отрицание экономической действительности и перенос её проявлений в нравственно-эмоциональную сферу.

Субъективные представления героев о своём месте в социальной иерархии могут становиться оправданной точкой для манипуляций и принудительного перераспределения – нанесения материального ущерба окружающим. Свойственные людям иллюзии и заблуждения проявляются в их поступках и приводят к реальным финансовым последствиям – что подтверждает современный экономический и финансовый анализ.

Роман даёт примеры столкновения материальных и нематериальных ценностей. Читатель видит, как безрассудные, с позиций экономической целесообразности, действия, будучи вписанными в социальные, ценностные и эмоциональные отношения людей, служат задачам выживания и поддержания долгосрочной устойчивости индивидуума или группы. Потери в плоскости экономики соответствуют приобретениям за её пределами – в сфере безопасности, коллективного блага, групповой принадлежности и т. п. Сегодня этим понятиям соответствует термин экономической резильентности, означающей способность системы выдержать действие шока и вернуться на траекторию роста.

Описывая события 1812 г., Толстой непроизвольно выступает противником экономического детерминизма и рыночного фундаментализма. Неприкосновенность частной собственности может и должна быть нарушена ради более высоких целей – сохранения жизни людей и защиты отечества. Кроме того, существуют ситуации, когда социальное (принадлежность к группе и приверженность большой общей цели) переносит отношения людей из формата денежных отношений и обменов в сферу чистой морали.

Представленные выводы могут быть полезны специалистам в области экономической теории, экономической социологии и истории, а также поведенческой экономики.

Об авторе:

Ольга Витальевна Буторина – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.
E-mail: butorina@ieras.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 821.161.1.09:33
Received: February 2, 2025
Accepted: April 15, 2025

Economics and Finance in Leo Tolstoy's "War and Peace": Insights for Contemporary Economic Thought

 O.V. Butorina
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-2-101-7-43](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-2-101-7-43)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: Leo Tolstoy's *War and Peace* is widely acknowledged as one of the greatest literary masterpieces, continually captivating readers worldwide through ongoing discussions, translations, and adaptations since its original publication in 1865–1869. This article explores the novel from an economic perspective, aiming to determine whether it encapsulates a coherent and comprehensive economic worldview capable of implicitly shaping contemporary economic thinking and decision-making. Such embedded economic ideas and values have largely remained unnoticed and unexplored by scholars, thus limiting their potential integration into modern economic discourse. Recognizing and articulating these implicit economic insights could significantly broaden contemporary economic research, harmonizing established concepts such as rationality, self-interest, and market equilibrium with emerging considerations of sustainability, social norms, reciprocity, and morality.

The study systematically identifies episodes within the novel that carry distinct economic significance, organizing them logically into thematic clusters. Each identified scenario is analyzed through the lens of contemporary economic theories, supplemented by relevant interpretations from existing scholarly literature.

The analysis demonstrates that the economic content within *War and Peace* constitutes a coherent and logically consistent thematic framework without contradictions or narrative disruptions. The novel's economic storylines reflect realistic economic developments and illustrate the evolution of economic consciousness among its main characters. Tolstoy's underlying economic philosophy aligns closely with classical political economy, emphasizing individual freedom and personal responsibility. Furthermore, the text implicitly promotes principles of sustainable consumption and production, advocating disciplined budgeting and long-term financial planning. Finally, the study highlights how economic interactions within the novel are influenced or shaped by broader social, political, cultural, and ethical contexts.

Keywords: Leo Tolstoy, *War and Peace*, economic analysis, classical political economy, sustainable consumption, economic behavior, financial ethics, literature and economics, economic values, rationality and morality, social influences on economics, narrative economics

About the author:

Olga V. Butorina – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Mokhovaya st. 11-3, Moscow, Russia, 125009. E-mail: butorina@ieras.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Beugelsdijk S., Maseland R. 2011. *Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications*. Cambridge. 408 p.
- Bradley P. 1980. Henry George, Biblical Morality and Economic Ethics: Some Conclusions from a Lifetime's Study of the Relation between Ethics and Economics. *The American Journal of Economics and Sociology*. 3(39). P. 209–215. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1980.tb01271.x
- Brennan G. and Waterman A.M.C. 2021. Economics Meets War and Peace Tolstoy's Implicit Social Theory. *The Independent Review. A Journal of Political Economy*. 3(25). P. 397–410.
- de Soto H. 2000. *The Mystery of Capital. Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. London: Bentam Press. 243 p.

Feuer K.B. 1996. *Tolstoy and the Genesis of "War and Peace"*. Edited by Robin Feuer Miller and Donna Tussing Orwin. Ithaca and London: Cornell University Press.

Horodecka A. 2022. *Human Nature in Modern Economics: Structure, Change and Perspectives*. Routledge. 272 p. DOI: 10.4324/9781003206484

Keynes J.M. [1936]. 1973. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. The Collected Writings of John Maynard Keynes. D. Moggeridge (ed.). 30 vols. Vol. VII. Macmillan.

Kyriacou C. 2019. Tolstoy's Implicit Moral Theory: An Interpretation and Appraisal. *Russian Literature*. 106, May–June. P. 117–138. DOI: 10.1016/j.ruslit.2019.06.007

Laville J.-L. 2023. Moral Economy and Human Economy. *Encyclopedia of the Social and Solidarity Economy*. Elgar Publishing. Ilcheong Yi. (Ed.) P. 68–72.

Mangold M. 2017. Space and Storytelling in Late Imperial Russia: Tolstoy, Chekhov, and the Question of Property. *The Russian Review*. 76(1). P. 72–94. DOI: 10.1111/russ.12120

McCloskey D.N. 1998. *The Rhetoric of Economics*. Second Edition. The University of Wisconsin Press Madison. 248 p.

Nabokov V. 1981. *Lectures on Russian Literature. Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorki, Tolstoy, Turgenyev*. Harcourt Brace Jovanovich. 324 p

Nicolosi R. 2024. Slum Bodies: Leo Tolstoy's What Should We Do Then?, the Moscow Poor, and Late Nineteenth-Century Russian Slum Literature. *The Russian Review*. №3. P. 348–361. DOI: 10.1111/russ.12646

Romero N. 2023. *The Alternative: How to Build a Just Economy*. New York: Public Affairs. 384 p.

Sacchetti S., Tortia E. 2024. A Needs Theory of Governance: Taking Transaction Cost Theory back to Humanistic Economics and Self-Actualisation. *Journal of Institutional Economics*. №20. P. 1–17. DOI: 10.1017/S1744137423000401

Sahlins Marshall D. 1963. Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*. 5(3). P. 285–303. DOI: 10.2307/177650

Smith A. [1776]. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*.

Vdovin A. 2017. "Devilish Money" and Peasant Ethics: Leo Tolstoy's Economic Imagination and Emplotment in "Polikushka". *The Russian Review*. 76(1). P. 53–71. DOI: 10.1111/russ.12119

Wenzer K. C. 1997. Tolstoy's Georgist Spiritual Political Economy (1897–1910): Anarchism and Land Reform. *The American Journal of Economics and Sociology*. 56(4). P. 639–667. DOI: 10.1111/j.1536-7150.1997.tb02664.x

Aldanov M.A. 1923. *Zagadka Tolstogo [The Mystery of Tolstoy]*. Berlin, Izdatel'stvo I.P. Ledyzhnikova. 128 p. (In Russian)

Asmus V.F. 1961. Mirovozzrenie Tolstogo [Tolstoy's Worldview]. *Literaturnoe nasledstvo*. №69. P. 35–102. (In Russian)

Auzan A.A. 2017. Sociokul'turnaja jekonomika [Sociocultural Economy]. *Nauka i innovacii*. 2(168). P. 4–11. (In Russian)

Avtonomov V.S. 2018. Jekonomicheskaja teorija do i posle velikoj recessii. [Economic Theory Before and After the Great Recession]. *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*. 2(3). P. 58–64. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00011. (In Russian)

Basinskij P.V. 2022. *Lev Tolstoj: begstvo iz raja [Leo Tolstoy: Escape from Paradise]*. Moscow: Redakcija Eleny Shubinoj, AST. 637 p. (In Russian)

Bocharov S.G. 1978. *Roman L. Tolstogo «Vojna i mir» [L. Tolstoy's Novel 'War and Peace']*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 103 p. (In Russian)

Bunin I.A. [1937] 1996. *Osvobozhdenie Tolstogo* [Liberation of Tolstoy]. Bunin I.A. *Collected Works in 6 volumes*. Moscow: Publishing Center "Terra". P. 5–145. (In Russian)

Dolinina N.G. [1973] 2023. *Po stranicam «Vojny i mira». Zametki o romane L.N. Tolstogo «Vojna i mir»* [Through the Pages of 'War and Peace'. Notes on L.N. Tolstoy's Novel 'War and Peace']. Saint Petersburg: GRIF. 288 p. (In Russian)

Eichenbaum B.M. [1919–1959] 2009. *Lev Tolstoj: issledovanija. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. School of Philology and Arts: Saint Petersburg State University. 952 p. (In Russian)

Gjunter H. 2021. Jekonomit' ili tratit'? Zapadnyj i vostochnyj jekonomicheskie diskursy v russoj hudozhestvennoj literature XIX v. [To Save or to Spend? Western and Eastern Economic Discourses In Russian Fiction of the 19th Century]. N.V. Zlydneva, Zh. Heteni et al. (Eds.) *Na perekrestkah Vostoka i Zapada: problemy pogranič'ja v Russoj i Central'noevropejskih kul'turah: Sbornik statej* [At the Crossroads of East and West: Borderland Issues In Russian and Central European Cultures: A Collection of Articles]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. P. 13–45. DOI: 10.31168/4465-3095-3.01 (In Russian)

Ivashhenko T.S. 2016. K voprosu ob istoričeskikh istočnikah romana-jepopei L.N. Tolstogo «Vojna i mir» [On the Question of the Historical Sources of L.N. Tolstoy's Epic Novel "War and Peace"]. *Yugra State University Bulletin*. 1(40). P. 92–100. (In Russian)

Ivashkovskij S.N. 2017. *Ekonomika kak fenomen kul'tury: teoretiko-metodologičeskij analiz* [Economy as a Cultural Phenomenon: Theoretical and Methodological Analysis]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(54). P. 268–290. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290 (In Russian)

Kandiev B.I. 1967. *Roman-jepopeja L.N. Tolstogo «Vojna i mir»: kommentarij* [The Epic Novel by L.N. Tolstoy 'War and Peace': Commentary]. Moscow: Prosveshhenie. 390 p. (In Russian)

Kantor V.K. 2001. *Russkij evropec kak javlenie kul'tury (filosofsko-istoričeskij analiz)* [Russian European as a Cultural Phenomenon (Philosophical and Historical Analysis)]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 704 p. (In Russian)

Krasnov G.V. 1981. Kommentarii: L.N. Tolstoj. Vojna i mir. [Comments: L.N. Tolstoy. War and Peace]. *L.N. Tolstoy. Collected works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 7. P. 382–430. (In Russian)

Kuricyan V.N. 2024. *Glavnaja russkaja kniga. O «Vojne i mire» L.N. Tolstogo* [The Main Russian Book. About L.N. Tolstoy's 'War and Peace']. Moscow: Vremja. 400 p. (In Russian)

Luxemburg R. [1908] 1961. Tolstoj kak social'nyj myslitel' [Tolstoy as a Social Thinker]. Luxemburg R. *O literature* [About Literature]. Moscow: Goslitizdat. P. 94–109. (In Russian)

Luxemburg R. [1918] 1961. Tolstoj [Tolstoy]. Luxemburg R. *O literature* [About Literature]. Moscow: Goslitizdat. P. 110–119. (In Russian)

Mamardashvili M.K. 2000. *Estetika myshlenija* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Moscow School of Political Studies. 416 p. (In Russian)

Mehring F. [1900] 1934. Lev Tolstoj [Leo Tolstoy]. Mehring F. *Literaturno-kritičeskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, Leningrad: ACADEMIA. Vol. 2. P. 290–295. (In Russian)

Plehanov G.V. 1923. *Stat'i o L. Tolstom* [Articles about Tolstoy]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 97 p. (In Russian)

Poltavec E.Ju. 2017. *Potlach i kenosis kak ritual'nyj kod russoj hudozhestvennoj istoriosofii (v proizvedenijah A.S. Pushkina i L.N. Tolstogo)* [Potlatch and Kenosis as a Ritual Code of Russian Artistic Historiosophy (in the Works of A.S. Pushkin and L.N. Tolstoy)]. Evgenij Aleksandrovich Majmin i ego vremja [Evgeny Maymin and his Time]: Materials of the International Scientific Conference. Pskov, October 22–24. Pskov: Pskov State University. P. 123–127. (In Russian)

Shestov L. 1923. *Dobro v uchenii gr. Tolstogo i F. Nitshe: (filosofija i propoved')* [Good in the Teachings of Count Tolstoy and F. Nietzsche: (Philosophy and Preaching)]. Berlin: Skify. 122 p. (In Russian)

Shklovskij V.B. 1928. *Mater'jal i stil' v romane L'va Tolstogo «Vojna i mir»*. [Material and Style in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace".] Moscow: Federacija. 249 p. (In Russian)

Sizova I.I. 2024. «Sojuz zolota i nasilija» v «Skazke ob Ivane-durake...» L.N. Tolstogo (1885–1886): istoriko-literaturnyj genezis. [‘The Union of Gold and Violence’ in ‘The Tale of Ivan the Fool...’ by L. N. Tolstoy (1885–1886): Historical and Literary Genesis]. *Philology. Theory & Practice*. 17(11). P. 4140–4149. DOI: 10.30853/phil20240584 (In Russian)

Struve P.B. 1908. Lev Tolstoj. Smysl zhizni [Leo Tolstoy. The Meaning of Life]. *Russkaja mysl'*. №8. P. 218–230. (In Russian)

Tambovcev V.L. 2023. Chto stoit za trebovaniem pljuralizma v jekonomicheskoy nauke? [What is behind the Demand for Pluralism in Economics?]. *Journal of Institutional Studies*. 15(1). P. 6–22. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022 (In Russian)

Tolstoj L.N. [1865–69] 1982. *Vojna i mir*. Tom pervyj – chetvertyj [War and Peace. Books 1–4]. *Tolstoj L.N. Collected Works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 4–7. (In Russian)

Tolstoj L.N. [1884] 1982. *Zapiski sumasshedshego* [Notes of a Madman]. *Tolstoj L.N. Collected Works in 22 volumes*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. Vol. 12. P. 43–51. (In Russian)

Zhdanov V. A. 2010. *Neizvestnyj Tolstoj. Tajnaja zhizn' genija* [Unknown Tolstoy. The Secret Life of a Genius]. Moscow: Exmo: Algoritm. 448 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Автономов В.С. 2018. Экономическая теория до и после великой рецессии. *Вопросы теоретической экономики*. 2(3). С. 58–64. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00011

Алданов М.А. 1923. *Загадка Толстого*. Берлин: Издательство И.П. Ладыжникова. 128 с.

Асмус В.Ф. 1961. Мировоззрение Толстого. *Литературное наследство*. Т. 69. С. 35–102.

Аузан А.А. 2017. Социокультурная экономика. *Наука и инновации*. 2(168). С. 4–11.

Басинский П.В. 2022. *Лев Толстой: бегство из рая*. Москва: Редакция Елены Шубиной, АСТ. 637 с.

Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. 2016. *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Пер. с англ. Н.В. Автономовой. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Ин-та Гайдара. 446 с.

Бочаров С.Г. 1978. *Роман Л. Толстого «Война и мир»*. Москва: Художественная литература. 103 с.

Бунин И.А. [1937] 1996. *Освобождение Толстого*. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Москва: Изд. центр «Тerra». С. 5–145.

Гюнтер Х. 2021. Экономить или тратить? Западный и восточный экономические дискурсы в русской художественной литературе XIX в. *На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах: Сборник статей*. Редакция: Н.В. Злыднева (отв.ред.), Ж. Хетени (отв.ред.) [и др.]. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 13–45. DOI: 10.31168/4465-3095-3.01

де Сото Э. 2004. *Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире*. Пер. с англ. Б. Пинскер. Москва: «Олимп-Бизнес». 272 с.

Долинина Н.Г. [1973] 2023. *По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л.Н. Толстого «Война и мир»*. Санкт-Петербург: ГРИФ. 288 с.

Жданов В.А. 2010. *Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения*. Москва: Эксмо: Алгоритм. 448 с.

Ивашковский С.Н. 2017. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 268–290. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290

Иващенко Т.С. 2016. К вопросу об исторических источниках романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». *Вестник Югорского государственного университета*. 1(40). С. 92–100.

Кандиев Б.И. 1967. *Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир»: комментарий*. Москва: Просвещение. 390 с.

Кантор В.К. 2001. *Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 704 с.

Кейнс Дж.М. [1936] 2022. *Общая теория занятости, процента и денег* [перевод с английского]. Москва: Эксмо. 960 с.

Краснов Г.В. 1981. *Комментарии: Л.Н. Толстой. Война и мир. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт*. Москва: Художественная литература. Т. 7. С. 382–430.

Курицын В.Н. 2024. *Главная русская книга. О «Войне и мире» Л.Н. Толстого*. Москва: Время. 400 с.

Люксембург Р. [1908] 1961. Толстой как социальный мыслитель. Люксембург Р. *О литературе*. Москва: Гослитиздат. С. 94–109.

Люксембург Р. [1918] 1961. Толстой [перевод Р. Ковнатор]. Люксембург Р. *О литературе*. Москва: Гослитиздат. С. 110–119.

Макклоски Д. [1998] 2015. *Риторика экономической науки*. Второе издание. Пер. с англ. О. Якименко. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Издательство «Международные отношения». 328 с.

Мамардашвили М.К. 2000. *Эстетика мышления*. Москва: Московская школа политических исследований. 416 с.

Меринг Ф. [1900] 1934. Лев Толстой. Меринг Ф. *Литературно-критические статьи*. Москва, Ленинград: ACADEMIA. Т. 2. С. 290–295.

Набоков В.В. [1981] 2001. Лев Толстой (1828–1910). Набоков В.В. *Лекции по русской литературе*. Пер. с англ. Москва: Издательство «Независимая Газета». С. 219–315.

Плеханов Г.В. 1923. *Статьи о Л. Толстом*. Москва: Государственное издательство. 97 с.

Полтавец Е.Ю. 2017. Потlach и кенозис как ритуальный код русской художественной историософии (в произведениях А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого). *Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Международной научной конференции*, Псков, 22–24 октября 2015 г. Псков: Псковский государственный университет. С. 123–127.

Сизова И.И. 2024. «Союз золота и насилия» в «Сказке об Иване-дураке...» Л.Н. Толстого (1885–1886): историко-литературный генезис. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 17(11). С. 4140–4149. DOI: 10.30853/phil20240584

Смит А. [1776] 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Москва: ЭКСМО.

Струве П.Б. 1908. Лев Толстой. Смысл жизни. *Русская мысль*. №8. С. 218–230.

Тамбовцев В.Л. 2023. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? *Journal of Institutional Studies*. 15(1). С. 6–22. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022

Толстой Л.Н. [1865–1869] 1982. Война и мир. Том первый – четвёртый. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в 22 тт.* Москва: Художественная литература. Т. 4–7.

Толстой Л.Н. [1884] 1982. Записки сумасшедшего. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений в 22 т.* Москва: Художественная литература. Т. 12. С. 43–51.

Фойер К.Б. [1996] 2002. *Генезис «Войны и мира»*. Пер. с англ. Б. Бузиной. Санкт-Петербург: Акад. проект. 332 с.

Шестов Л. 1923. *Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше: (философия и проповедь)*. Берлин: Скифы. 122 с.

Шкловский В.Б. 1928. *Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир»*. Москва: Федерация. 249 с.

Эйхенбаум Б.М. [1919–1959] 2009. *Лев Толстой: исследования. Статьи*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 952 с.